Н. А. Артемьева

ОБРАЗ ЧИТАТЕЛЯ-АДРЕСАТА В БАСНЯХ И. А. КРЫЛОВА

Работа представлена кафедрой общего литературоведения и журналистики Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Научные руководители – доктор филологических наук, профессор В. В. Прозоров, кандидат филологических наук, доцент К. М. Захаров

В статье рассматривается один из элементов историко-функционального изучения литературы – образ читателя-адресата в баснях И. А. Крылова. Обращается внимание на особенности произведения, которые сыграли роль в привлечении «собеседника» к подобным текстам. В качестве потенциальных участников диалога представлены различные читательские группы (по возрастной и образовательной составляющей).

Ключевые слова: историко-функциональное изучение литературы, образ читателя-адресата.

The element of historical and functional study of literature such as the addressee-reader's image in I. Krylov's fables is considered in the article. Attention is paid to the composition features that play the role in attraction of an «interlocutor» to these texts. Different reader groups are presented as potential dialogue participants (in age and educational terms).

Key words: historical and functional literature study, addressee-reader's image.

Внутренний потенциал художественного текста позволяет произведению обращаться как к определенному адресату, так и к большой аудитории. Текст сам «отбирает» среди «собеседников» тех, кому может раскрыть свои глубины. Ведь именно в сознании читателей начинает и продолжает жить творение искусства.

Воссоздание образа читателя-адресата является одним из компонентов рассмотрения произведения с позиций историко-функционального изучения литературы. М. Б. Храпченко в 1960–1970-х гг. дает такую характеристику этому понятию: «…историко-функциональный подход к литературе и предполагает изучение не просто ее функции самой по себе, а художественных произведений в их воздействии на общественное сознание, в их связях с духовной жизнью людей в различные периоды времени, в их внутреннем развитии» [15, с. 248]. Именно образ адресата позволяет обратиться к реальной истории функционирования текста в сознании читающей публики, которая к тому же неоднородна. Существует несколько подходов к рассмотрению этого литературоведческого феномена [2, с. 112–126; 11, с. 51–64].

В 1922 г. к данному образу обратился А. И. Белецкий, который задал то направление в изучении одной из очередных задач историко-литературной науки, которая актуальна и для современных исследователей. Он представил свою классификацию читателей, в основе деления которой – воображаемый «собеседник». «В одних случаях он покрывается реально существовавшим… в других этот читатель «тайный идеальный друг», «правнук просвещенный, сын Феба молодой», «друг истины священной»; в-третьих, наконец, это – низкий невежда и глупец, представитель той толпы, от которой поэт бежит в уединение, чтобы беседовать с самим собой, с потомками, с музой» [2, с. 119].

Среди воспринимающих басни И. А. Крылова были, наверное, все представленные разновидности читательских групп. Но в его текстах образ адресата имеет свои особенности, основанные на синтезе признаков, выделенных А. И. Белецким. В итоге творения писателя входят в ряд произведений литературы, доступных и взрослым (независимо от уровня образования), и детям, чья «читательская память» (В. В. Прозоров) только начинает формироваться.

Тексты баснописца нередко объединяют в одну «книгу», замечая, что и расположение басен, и их компоновка имеют некую специфику, позволяющую ей быть интересной для любого читателя. А. В. Западов писал, что «Крылов считал сборник своих басен цельным единым произведением» [5, с. 98]. Поэтому, чтобы понять «вероятный диапазон воздействия данного текста на реальных читателей разных поколений», бережно и осторожно «реконструируем» образ читателя-адресата [11, с. 52] басен И. А. Крылова.

Обратимся к тем «свойствам» произведения, которые могут быть интересны самым маленьким читателям. Во-первых, это сказочность басен. О данной особенности текста говорили не только современники писателя [4, с. 123], но и потомки [9, с. 62–121; 12; 7, с. 309–327]. И. А. Крылов использует в своих произведениях соответствующие образы (Лиса, Волк, Медведь в баснях «Волк и Лиса», «Добрая Лисица», «Трудолюбивый Медведь» и др.). В текстах появляются и «сказочные» слова, такие как «за тридевять полей» («Осел и Соловей»), «за тридевять земель» («Скупой»), «чистое поле» («Стрекоза и Муравей»), «красное солнце» («Василек»), «царь-птица» («Ворона и Лисица», «Орел и Крот») и др. Характерна для произведений писателя и троичность, которая является одним из условий построения сказки. Например, в басне «Волк и Ягненок» Волк трижды предъявляет обвинение своей жертве. В «Квартете» участники его три раза останавливаются, чтобы решить, «кому и как сидеть». В басне «Лебедь, Щука и Рак» действуют три персонажа, которые представляют разный подход к одной проблеме: сдвинуть воз с места.

Приближает к себе маленького читателя использование в произведении уменьшительных суффиксов, которые делают слова доступными детскому восприятию. «Шейка», «глазки», «носок» («Ворона и Лисица»), «бедняжка» («Чиж и Голубь») и др.

Привлечение внимания детской аудитории осуществляется и за счет того, что басни рассказывает умудренный опытом человек, «дедушка». Он всегда поведает интересную «сказочку» с забавными зверями и ненавязчивым поучительным концом. Именно к таким людям многие тянутся за советом (не только дети, но и взрослые). Созданный писателем образ становится тем заветным ключиком, с помощью которого он может открывать сердца читателей различных возрастов и поколений.

Голос рассказчика в баснях слышится очень редко, в основном в морали. Если он появляется в самом повествовании, то его присутствие носит ремарочный характер [13, с. 368–398; 3, с. 5–20]. Нередко свое мнение «дедушка» передоверяет одному из персонажей басни. Например, Соловью («Квартет»), Волку («Волк и Волчонок»), Змее («Мальчик и Змея») и др.

Важное в данном образе то, что он не навязывает определенной точки зрения. Рассказчик не является всеведущим и свою позицию преподносит не как данность, а как вероятность того, чего следует придерживаться. При этом он оставляет возможность составить свое мнение о проблеме. Такую волю творческой интерпретации «дедушка» дает как взрослым, так и детям. Подтверждение мы находим не только в опытах педагогов, но и в художественных произведениях. В. И. Водовозова поразил тот факт, что его маленькие ученики встали на сторону бездумной Стрекозы, а не трудолюбивого Муравья [8, с. 4]. В одном из рассказов Саши Черного «Люся и дедушка Крылов» басни писателя становятся основой не только для написания самого произведения, но и для творческой интерпретации понимания детьми его текстов.

К размышлению над ситуацией И. А. Крылов приглашает и взрослого образованного читателя. Подобную особенность творчества отметил В. И. Коровин [6, с. 346]. Басня «Волк и Ягненок» заканчивается «победой» хищника, т. е. идет констатация факта: в мире прав тот, кто сильнее. Но это первое обманчивое впечатление, которое очень далеко от истины. Баснописец преподносит реальную жизненную ситуацию без прикрас, а «собеседника» приглашает подумать над поднятой проблемой. Ведь именно реальный читатель может повлиять на ход истории. Тексты писателя в этом случае становятся лишь первым толчком к размышлению. Таким неоднозначным произведением является одна из самых больших басен, «Водолазы». Еще при жизни создателя читатели не могли понять позицию рассказчика: он за или против просвещения. Конец не давал однозначного ответа, а фраза «дерзкий ум» еще больше запутывала «собеседника» [12, с. 206].

Круг образованных читателей, которым будут интересны басни И. А. Крылова, формируется за счет лексического наполнения. Это имена мифологических персонажей, таких как Зевс, Юпитер, Нептун и др. Автор дает и сравнения с использованием таких имен. Например, «стал, как Крез, богат» («Фортуна в гостях», «Фортуна и Нищий»).

Можно выделить небольшой круг читателей, которым известно, что за образом Соловья («Осел и Соловей») скрывается сам баснописец. Прячется он в Чиже («Чиж и Еж»), «не сумевшем» «достойно величать» Александра.

Человеческой природе присуще верить слухам, молве. И. А. Крылов обращается и к такой категории «собеседников». Ведь «молва непременно опирается на авторитет уже кем-то сказанного, выясненного и почти очевидного» [10, с. 170]. Таким образом автор опирается на общественное мнение, бытующее в той среде, для которой он пишет. Например, «слух молвы крылатой» («Синица»), «из древности молва гласит» («Крестьянин и Змея»), «добрая молва» («Мышь и Крыса») и др. Тем самым писатель приближает к себе своего адресата и в то же время, зная природу этого феномена, дает возможность думающему читателю самому сделать вывод о прочитанном.

На эрудированного «собеседника» рассчитаны в баснях И. А. Крылова пословицы и поговорки, которые понятны и простому (даже неграмотному человеку). Автор не только использует данные цитаты в своих произведениях, но и строит на их основе повествование. В результате народное выражение, пройдя через подобный текст, приобретает самостоятельное хождение в крыловской огласовке. Такова басня «Синица», сюжетом для которой послужила пословица «Ходила синица море зажигать, моря не зажгла, а славы много наделала» [14, с. 466]. После она стала функционировать в виде строчки из басни «Наделала синица славы, а моря не зажгла».

Внимание простого человека к своим произведениям писатель привлекает, наполняя их реалиями крестьянского быта. Они не только создают соответствующую обстановку, но и нередко становятся «главными героями», т. е. уже в самом названии задается тот образ читателя-адресата, которому такие персонажи будут близки и понятны. Например, «Котел и Горшок», «Две бочки», «Обоз» и др.

Среди участников диалога можно выделить одну пограничную группу – военные. В данной среде были и начитанные, и совершенно неграмотные люди. Однако и к ним писатель нашел свой особый подход. Проявился он в так называемом цикле басен об Отечественной войне 1812 г. Иносказательный язык не помешал «собеседникам» понять, что под обликом Ловчего скрывается М. И. Кутузов («Волк на псарне»), в образе Щуки показан П. В. Чичагов («Щука и Кот»).

Басни И. А. Крылова предназначены широкому кругу читателей, поэтому не всегда возможно четко разделить их по определенным группам. Некий мозаичный образ адресата «конструируется» на основе построения писателем текста.

И. А. Крылов не ставит себя, как создателя произведения, выше своего читателя. Он подчеркивает в баснях, что они находятся на одной ступени. Такой ход привлекает внимание любого адресата, он чувствует, что ему дается право не только иметь, но и высказать свою точку зрения. Робких и «стеснительных» писатель иногда сам приглашает к диалогу. Это показано в обращении к читателю: «Читатель, не дивись…» («Добрая Лисица»), «Читатель, басни сей мысль самая простая…» («Котел и Горшок»), «Читатель, будь ты сам судьею…» («Фортуна в гостях»).

Однако именно чуткому «собеседнику» приоткрывается позиция самого баснописца. Она рассыпана в отдельных словах, замечаниях, по которым можно воссоздать картину понимания писателем жизни и отношение его к различным событиям. Одним из таких элементов являются местоимения (мой и наш), подсказывающие на чьей стороне рассказчик, а значит, и сам создатель текста. Использование подобных слов нередко носит иронический оттенок, когда автор «приближает» к себе определенного персонажа. Например, «мой хитрец» (о Волке в басне «Волк на псарне»), «мой Лжец» («Лжец»), «мой Мишка» («Медведь у Пчел»), «наш Комар», «наш герой» («Лев и Комар»), «наш лукавец» («Три Мужика») и др.

Обратимся еще к одной группе адресатов – читатели конца XX – начала XXI в. Ведь именно на некой дистанции от времени создания произведения «собеседник» начинает не только воспринимать и понимать его, но и творить сам. «Приходит читатель-потомок, читатель отбирающий, судья и истолкователь… Пассивное восприятие кончилось, начинается своеобразное творчество» [2, с. 121]. Соотношение читательской массы на рубеже веков имеет свои особенности. Детская аудитория так и составляет отдельную группу. Взрослая же делится не по уровню, а по профилю образования (люди с гуманитарным образованием и без него). Несмотря на временную дистанцию, детям в баснях И. А. Крылова интересно то, что и ровесникам много лет назад.

Взрослую аудиторию, возможно, к басням И.А. Крылова привлекает использование СМИ крылатых слов и выражений. Поэтому тексты должны быть хорошо известны читателям, слушателям и зрителям. Временная дистанция дает возможность взглянуть на них и с новых позиций. Рубеж веков ставит свои вопросы, ответы на которые «собеседники» находят в творениях писателя. И басни современный адресат понимает неоднозначно: «Басенный текст Крылова начинает жить по законам текста художественного: он содержит потенциал разнородного прочтения» [1, с. 9]. Это говорит о том, что его произведения рассчитаны на читателя размышляющего. Так в басне «Осел и Соловей» виноваты и Осел, не оценивший пения, и Соловей, который начал «являть свое искусство» такому слушателю. В басне «Стрекоза и Муравей» героиня, несмотря на свою лень, очень обаятельна, а вот трудолюбивый Муравей слишком педантичен [1, с. 9–11].

Потенциал, который был заложен баснописцем в его произведениях, привлекает читателя любого поколения, возрастного уровня и разной степени образования. Мозаичный образ адресата имеет несколько характеристик. В нем есть «простодушное и искреннее ощущение важности поведанного» (В. В. Прозоров). Он способен на душевное сочувствие и сопереживание героям произведения. Читатель понимает их быт и условия проживания не столько через описания, сколько через диалог, с помощью которого идет развитие основного действия. И «собеседнику» невольно самому хочется стать участником этого процесса, чтобы высказать свое мнение. Размышления, получившие толчок в произведении, далее переносятся на саму жизнь. Возможно, что современный читатель не захочет принять для себя те каноны, которые преподносит писатель в баснях. Но он получает уникальный шанс: научиться избегать при подходе к любому жизненному явлению однобокости и односторонности, посмотреть на данный факт с разных сторон. При этом автор оставляет читателю возможность не соглашаться со своей точкой зрения. Например, существует несколько читательских вариаций на тему того, почему «ларчик просто открывался». Каждый из интерпретаторов понимает эту фразу по-своему, но однозначного авторского определения, которое было бы заложено в самом произведении, нет. Читателю, узнающему по книгам правду жизни, думающему, размышляющему, а также чуткому и сопереживающему, адресовал свои басни И. А. Крылов. Его произведения перейдут еще не один рубеж, и в каждый исторический промежуток времени они будут привлекать заинтересованного собеседника и открывать ему богатый неисчерпаемый потенциал классического текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анненкова Е. И.* Жанровое новаторство басен И. А. Крылова // Русская литература. XIX век. От Крылова до Чехова / Сост. Н. Г. Михновец. СПб.: Паритет, 2001. С. 7–17.

2. *Белецкий А. И.* Об одной из очередных задач историко-литературной науки (Изучение истории читателя) // Белецкий А. И. В мастерской художника слова. М.: Высш. шк., 1989. С. 112–126.

3. *Буслакова Т. П.* Иван Андреевич Крылов // Буслакова Т. П. Русская литература XIX века. М.: Высш. шк., 2001. С. 5–20.

4. *Жихарев С. Н.* Из «Записок современника (Дневник чиновника)» // И. А. Крылов в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1982. С. 111–125.

5. *Западов А.[В.]* Книга народной мудрости (Басни И.А. Крылова) // Вершины. Книга о выдающихся произведениях русской литературы / Сост. и общ. ред. С. И. Машинского. М.: Дет. лит., 1978. С. 96–115.

6. *Коровин В. И.* Поэт и мудрец: Книга об Иване Крылове. М.: ТЕРРА, 1996. 472 с.

7. *Лебедева О. Б.* Пародийные жанры в творчестве И. А. Крылова (1769–1844) // Лебедева О. Б. История русской литературы XVIII века. М.: Высш. шк., 2003. С. 309–327.

8. *Маранцман В. Г.* Сила слова // Маранцман В. Г. Литература. 9 класс. М.: Просвещение, 1999. С. 3–5.

9. *Орлов А. С.* Язык басен Крылова // Орлов А.С. Язык русских писателей. М.; Л.: Издат. АН СССР, 1948. С. 62–121.

10. *Прозоров В. В.* Молва как филологическая проблема // Прозоров В. В. Другая реальность. Саратов: Лицей, 2005. С. 169–177.

11. *Прозоров В. В.* Образ читателя-адресата // Прозоров В. В. Другая реальность. Саратов: Лицей, 2005. С. 51–64.

12. *Степанов Н.[Л.]* Крылов. М.: Молодая гвардия, 1963. 320 с.

13. *Степанов Н. Л.* Манера повествования // Степанов Н. Л. И. А. Крылов. Жизнь и творчество. М.: Гос. издат. худож. лит., 1958. С. 368–398.

14. *Степанов Н. Л.* Примечания // Крылов И. А. Сочинения: В 2 т. Т. 2. Басни. Стихотворения. Пьесы. М.: Гос. издат. худож. лит., 1955. С. 461–494.

15. *Храпченко М. Б.* Время и жизнь литературных произведений // Храпченко М. Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. М.: Худож. лит., 1977. С. 228–264.